Синдром "никомуненужности"

Одиночество невыносимо в любых его проявлениях: будь то одиночество вдвоем либо одиночество в большом городе, либо одиночество в силу того, что ты остался в этой жизни один.

В связи с этим припомнился один эпизод из моей жизни.

Однажды, 30 лет назад, будучи пятнадцатилетней школьницей, я впервые в жизни написала рассказ, который, впрочем, никогда не был опубликован. Но суть в другом. В рассказе том я отразила глубокие переживания, смятение чувств девочки-подростка, вызванные одиночеством среди одноклассников. Конечно, я писала о себе. Суть сводилась к тому, что героиня моя, отчаявшись, отправилась осенним мрачным и дождливым днем на Тещин мост с самыми страшными мыслями. Девочка стояла на мосту в застывшей позе неопределенный отрезок времени. А рядом, на прохожей части расположилась стайка голубей, подстать героине рассказа, застывая от холода и голода. Вначале девочка не замечала птиц. А, заметив, отвела глаза. Но что-то в сердце дрогнуло и сжалось, и рука потянулась в карман за горсткой семечек. В этот момент девочка испытала прилив сил. Мрачные мысли сменились более оптимистичными. И домой она уже возвращалась, переполненная желанием жить и приносить пользу людям.

В тот день девочка стала взрослой.

И сегодня, пройдя все стадии и разновидности одиночества, хочу поделиться с теми, кто одинок, своим секретом выживания.

Самое главное — не ожесточить свое сердце, не держать обиды на свою судьбу, окружающих, Господа Бога. Словом — не обвинять в своих бедах весь мир. И если избавиться от перечисленных чувств, изгнать их из сердца — на смену придет любовь. Любовь к старушке, к ребенку, к бродячей собаке, к цветку. К окружающему миру. Вы почувствуете себя частичкой этого мира. А любовь научит ваше сердце слушать и слышать мелодию сердца других. Ведь у каждого сердца — своя, неповторимая мелодия! И чем выше уровень духовного развития человека, тем богаче и дивней эта мелодия. И вот уже сердце ваше не одиноко, ибо мелодия его нашла себе подобную в сердцах других. И сердце ваше звучит в унисон с созвучными вам сердцами. В этом — упоение и счастье! И нет уже одиночества и в помине, потому что вы нашли сердцем себе „подобных, „звучащих" так же, как и вы.

Самое невыносимое одиночество — это одиночество стариков, утративших свою „половинку" и веру в людей. И здесь большое „поле деятельности" для тех, кто научился слушать сердцем. Нельзя пропустить ни одного такого старика. А для этого так мало надо: смотреть и слушать сердцем. Наше оптическое зрение и слух несовершенны — мы близоруки и глухи порой друг к другу. Но сердце — никогда!

Я предлагаю маленький эксперимент. Идя по улице, киньте взор на мимо идущего человека. Что вы увидели? По сути — ничего. А теперь взгляните на того же самого человека своим сердцем, т. е. всмотритесь, проникните глубже в него. И вот уже перед вами другая картина: вы почувствовали этого человека, его настроение, характер, внутренний голос.

Только любовь, только притяжение сердец избавят нас от одиночества.

Вера Саранцева.

Н.Я. Голощапову
„20 лет спустя" —
1й выпуск эстр. отд.
ОТМУ

Дорогой Николай Яковлевич!

Отчаявшись найти живые джазовые сайты, с удовольствием пользуюсь детищем Лени Рукмана, чтобы поздравить Вас с юбилеем. Поскольку мы — Ваши первые эстрадные ОТМУшные дети.

20 лет назад, 25 июня отзвучал последний госэкзамен, последний аккорд „Тараканов" Манчини был поставлен и снят последним выпускником (им, черт побери, был я), и наша учеба закончилась. Под Вашим, в смысле, началом. Вечером того же дня мы все сидели в „Красном".

Оглядываясь назад, хочу заверить, что в отношении юности не пожелал бы ничего иного. Надеюсь, мои однокашники разделяют это чувство (о некоторых это точно известно). Формат поздравления ограничивает размер послания.

Дорогой Николай Яковлевич! Примите поздравления, благодарность и пожелания здоровья! Все то же хочу передать Анатолию Николаевичу Кзубову, Елене Игоревне, да просто всем замечательным педагогам, которых Вы собрали в 1980 году (всех невозможно перечислить).

Было бы очень здорово получить от Вас весточку, а в ней адрес и телефон. Оставляю свой: zlatkis@km.ru

P. S. Не спрашивал, но думаю, что мой друг Мандрыга, живущий неподалеку, присоединяется, а я остаюсь ленивый, но Ваш ученик

Сергей Златкис
zlatkis@km.ru

Ищу Славика Боева. А также всех одноклассников из 58-ой школы (1981-89 гг.).

Марина
rmazal@excite.com

Обалдение

Перепахивал сети и обалдел от удивления. Попал на одесский сайт, наконец-то он есть. Теперь буду принимать участие в полемике, хоть уже и очень стар.

Женя
jenia36@rambler.ru

Сайт Всемирного клуба одесситов: www.odessitclub.org.

В память о "Сетевом Дюке"

Просто поразительно, сколь живучим оказался „одесский дискурс" в русской литературе. Реальная Одесса превратилась в географическое понятие, украинское qui pro quo; духовная Одесса расширилась и заявляет себя по обе стороны океана. В то время как метропольная российская словесность увлеченно топчет собственных кумиров и отцов, меняет Пушкиных и Толстых на Викторов Ерофеевых, разбрасывает камни и разрушает свои родовые знаменатели — одесситы собирают и собираются.

Одним из таких блистательных, но, увы, из-за финансовых проблем почивших в бозе начинаний был литературный „Сетевой Дюк". Когда в несколько пламенных голов пришла идея организовать этот конкурс, его будущее виделось весьма проблематичным: „Позвольте, да от Одессы осталось одно название! Ее сыны давно гранят иные набережные и бульвары. Она вся унесена на подошвах эмигрантских башмаков".

Может, и правда, но какою радиоактивною оказалась эта пыль, если и через десять, и через двадцать лет одесская мелодия упрямо терзает сознание блудных одесских детей. Разлетевшееся по миру стадо нашло друг друга в виртуальных пространствах Интернета, отыскало даже Юрия Михайлика в запредельной Австралии и воздвигло новую одесскую скрижаль.

Другое дело, какие на ней писались письмена. Количество произведений, поступавших в конкурсные корзины „Дюка", не всегда было пропорционально их качеству. Некоторые материалы повергали в смущение. Бесхитростные неофиты, получив возможность признаться по секрету всему свету, как они любят Одессу, посылали на конкурс, ничтоже сумняшеся, школьные сочинения. Одесские фемины делились сердечными романами на изысканном фоне акаций и звезд. В конкурсных приемных царила атмосфера легкого бедлама, но это и придавало конкурсу истинно одесский шарм. То, что декларировала советская власть, очень хорошо получилось у „дюковцев": они приглашали в свой конкурс всех желающих, давали ход творчеству народных одесских масс со всеми вытекающими из этого несообразностями — прежде его обилием ерническогo стеба, принимавшегося многими дебютантами за фирменный признак „одесского стиля".

Но в том и очарование „Сетевого Дюка", что туда пускали всех. В отличие от надменных „Триумфов", Букеров и Антибукеров здесь царила воистину афинская демократия: пришел(ла) и говорю.

Никто из говорящих, однако, не становился при этом на голову, не эпатировал собравшихся заявлениями о готовности расчленить возлюбленную или возлюбленного на куски. Это — прерогатива постмодернистских Ерофеевых-Сорокиных. Таких в „Дюк" не пускали на порог. При всей демократичности конкурса, он был, если можно так выразиться, литературно чистоплотен. На фоне прочих литконкурсов он смотрелся этаким жизнерадостным разночинцем, готовым дать шанс каждому, у кого есть что сказать „за Одессу". Букеры и прочие „Нацбестселлеры" — это все великосветская затея, раздача слонов в узком кругу, политес и литературная интрига. Дюк выглядел на этом фоне истинно народным, демократическим мероприятием. Он был румян, кислороден, жизнедышащ. Букер сардонически ухмылялся, Дюк громко хохотал. Обитатель Букера — интеллектуальная шишига, гомункулус, механический апельсин; обитатель Дюка — работник, семьянин, производитель потомства.

Чем пристальнее автор этих строк инспектировал территорию „Сетевого Дюка", тем чаще он сталкивался на ней с Дмитрием Скафиди. Энергия этого человека чудовищна. Он новеллист, публицист, но сверх того еще и издатель, а также штурман дальнего плавания, но помимо прочего еще и краевед, историк, украинец, болгарин, еврей и грек. Воистину, таких людей, как Скафиди, „нет, и скоро совсем не будет". Он мог бы сказать о себе словами Горького: „Я уже не человек, а целое учреждение". Именно он подвигнул вашего слугу на эту статью. Даже если бы Скафиди не претендовал на писательские бармы, известность ему была бы обеспечена. Он сам воспринимается персонажем романа. Он — знаковая фигура одесского литпространства, его организатор, идеолог и поэт. Творческая среда завистлива, но в одесских литературных кругах о Скафиди покамест никто не сказал ревнивого слова: он слишком для этого доброжелателен и открыт. О его писательских талантах тактично умолчу: не то чтобы я считал таковые таланты отсутствующими, но это не моя литература; в ней, на мой взгляд, излишек того самого „одессизма", о котором говорилось выше.

Одним из лауреатов конкурса стал Юрий Овтин. Вначале он выступил в „Дюке" автором поэтичнейшей „Оды одесским винаркам", а затем поверг к стопам сетевого жюри „Оду одесским градоначальникам". Ну и что? Коллизия „поэт и царь" древнейшая в литературном человечестве. Великий Пушкин не стеснялся признаваться в любви к русскому монарху, а Александр Герцен опубликовал в своем диссидентском „Колоколе" филиппику „Ты победил, галилеянин!". Юрий Овтин предпочел не заходиться в интеллигентском раздражении на предержащих власть, но предложил увидеть в них тех же „лиц одесской национальности", что и он сам. Тот, кто хочет почувствовать ауру сегодняшней, постсоветско-постперестроечной Одессы, должен обратиться к рассказам Овтина. Они противостоят нигилистическому приговору, вынесенному Одессе конкурсным романом Давида Шехтера „Есть город, который НЕ вижу во сне". Автор поставил в нем „одесскую проблему" очень круто:

„...Мы, одесские евреи, увезли не СВОЮ Одессу, мы увезли ОДЕССУ, мы увезли то, что делало ее сказочным городом, который был дорог до слез миллионам граждан СССР, восхищавшихся не только его красивыми улицами, а духом вольности, раскованностью, раблезианским жизнелюбием, блеском юмора, чем-то таким искрометным, совершенно не характерным для украинской глубинки, для чего Бабель придумал специальное слово — жовиальность.

Сегодня, когда евреи покинули Одессу, улицы ее остались теми же, говорят, они стали даже чище, ухоженней, но Одесса превратилась в обычный провинциальный город, каким и должна была бы быть, если бы не те ее жители, которые говорили по-русски, а думали на идише и иврите. Исчезли одесские евреи, исчезла и сама Одесса..."

Так это или не так, судить оставшимся. Не думаю, что одесситам украинского или русского разлива понравится такая горделивая самооценка. Но правда и то, что еврейский обертон в истории одесской культуры звучит вполне отчетливо. Она действительно во многом „говорила по-русски, а думала на идиш и иврите". Что и доказало большинство произведений, поступавших на „Сетевой Дюк". Их еврейская органолептика несомненна. Ведь, воспользовавшись предельно демократичной атмосферой конкурса, каждый мог заявить свою визию Одессы: российскую, украинскую, какую угодно — и что же? За вычетом нескольких исключений, которые лишь подтвердили правило, „украинская" и „русская" Одесса на конкурсе не состоялась. Она, так сказать, не продемонстрировала воли к литературному самовыражению. Получается, что миф об этих южнорусских Афинах у моря действительно во многом создавал еврейский гений.

И продолжает создавать. В абсолютном большинстве сегодняшних одесских авторов воспроизводится атмосфера и эстетика именно еврейской Одессы. В советские времена эта Одесса жестко цензурировалась, камуфлировалась, скрывалась под русскими именами и могла выразить себя только в облике какого-нибудь фольклорного Паниковского из „Золотого теленка". Громадный пласт одесской действительности был как бы скрыт для постороннего глаза. Еврейская Одесса существовала, роднилась семьями, кварталами целыми научно-исследовательскими институтами и инженерными коллективами, но в официальной русско-советской культуре для нее не было места. И вот — и именно благодаря „Дюку" — внешнему миру впервые открылась настоящая Атлантида биографий, характеров, судеб, связанных единым жизненным бременем, имя которому — „быть евреем".

С одной стороны, герои „дюковской" прозы ничем не отличаются от разночинного южнорусского множества. Они проживают жизнь в общечеловеческих хлопотах, крутят романы, ссорятся, мирятся, плодят потомство и не дураки выпить. С другой — они искушаемы некоторой общей духовной заботой, вечнозеленым „кто мы, евреи?". Вся духовно-психологическая аура „Сетевого Дюка" была аранжирована этим проклятым вопросом. „Литература есть форма общественного самосознания", — любил повторять опальный ныне Белинский. Так вот, автор сего возьмет на себя смелость утверждать, что „Сетевой Дюк" стал самопознанием уникальной жизненной культуры, которую нужно было покинуть, раствориться в этнических новообразованиях Израиля и Нового Света, чтобы почувствовать, какою она была цельносложной, богатой и насыщенной. Уже было сказано, что не вся „дюковская" проза/поэзия отвечала представлениям о высокой литературе. Но она была проникнута такой пронзительной любовью к единственному, неповторимому, проклятому, святому и грешному одесскому „дао", что хочется простить авторам и провалы вкуса, и отсутствие профессионального писательского навыка. Впрочем, конкурсные „Одесский романс" Ефима Ярошевского, „Памятник потерянному поколению Одессы" Вадима Ярмолинца, „Здесь все Европой дышит, веет..." Евгения Голубовского вошли в профессиональную литературную „одессику" и по сей день находятся на книжной полке у автора этих строк.

Евгений Голубовский — особая глава этой одесской энциклопедии. На протяжении десятилетий он пишет панораму одесской богемы, перенимая булаву ни много ни мало от Валентина Катаева, автора „Алмазного моего венца", создавшего городу у моря вечный художественно-литературный чекан. Дай Бог Голубовскому литературного и всяческого прочего мастерства в прорисовке персонажей своего собственного „Одесского венца".

— „Дюковцы", откликнитесь! Помните такого Сердюченко, входившего в состав вашего жюри и раздававшего вам кнуты и пряники из своего прикарпатского далека? Он еще жив, чего и вам желает. И готов снова занять место за „дюковским" столом. Говоря словами киноперсонажа знаменитого „Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен", — „Если на хорошее дело идете, возьмите и меня с собою, ребята!"

В. Сердюченко
09.07.04